

Кэрт Айка

/коми предание в переводе на русский язык/

В старину был в коми крае
 Беспредельный лес дремучий,
 С ним топор еще не спорил
 Рос он вольный и могучий.
 Глубиной гордилась Эжва
 Мелководной не бывала.
 Много рыбы коми людям,
 Не скупясь она давала.
 По реке носились лодки,
 Грудью воду рассекая.
 Вниз и вверх пловцы летели,
 В песнях Эжву прославляя.
 «Хоть сроднились мы с печалью,
 Но не вечно же нам хныкать!»
 Говорили так, но скоро
 Им пришлось горе мыкать.
 Появился в Коми крае
 Чародей звероподобный,
 Бородатый, грозноокий,
 Как медведь, лихой и злобный.
 Он пришел в весенний полдень
 С топором, ножом и пикой
 И принес на плечах лося
 Из пармы глухой и дикой.
 На угор он сел над Эжвой,
 Съел пол-лося, подкрепился.
 Взял сосну, сломал руками –
 В своей силе убедился.
 Птички жалобно запели
 Средь кустов под солнцем ясным
 Чародей, поднявши руки,
 Крикнул голосом ужасным.
 «Я колдун, силач железный,
 Никого не утрашуся!
 Я, Кэрт Айка на угоре
 Здесь над Эжвой поселюсь!..
 Это место над рекою
 Стало сердцу всех милее.
 Жить я буду на просторе,
 Людям станет потеснее!»
 Колдуна рыбак услышал, -
 Волоса зашевелились,
 Даже волны быстрой Эжвы
 Книзу тише покатались.
 Поселился тут Кэрт Айка,
 Начал рыть угор прибрежный,
 На огонь стал что-то сыпать,

Чем-то стучая прилежно.

Долго бился, суетился,
Глядь – железо загремело.
Цепь сковал предлинной жердью
Из железа он умело.

«Ну-ка, жердь, - сказал он властно:
За реку переправляйся.
Цепь, быстрее ползи за жердью,
От нее не отрывайся!»

Крепко жердь вонзилась в берег
Держит цепь, не ослабляя.
О железо бьются лодки,
Сверху, снизу налетая.

Изумились коми люди:
На реке не стало ходу,
Нет доступа на берег,
Не нырнешь с челнами в воду.

Каждый смотрит и дивится,
Ничего не понимая:
«Как могла на Эжве взяться
Цепь чудесная такая?»

Чародей на берег вышел,
Огляделся волчьим взором:
«Вот каков я буду с виду!
Нрав узнаете вы скоро.

Всеми вами, коми люди,
Буду я сурово править.
Рассердясь, могу и Эжву
Сразу высохнуть заставить.

Я, Кэрт Айка, в лютом гнев
Человека пожираю,
Бью железом непокорных,
В ступе их толку, терзаю.

Если вам нужна дорога, -
По кунице мне несите.
Живо, живо! Шевелитесь!
Под угор сюда кладите!»

Смолкнул голос чародея.
Ужаснулись коми люди.
Собрались в одно место,
Свои лодки плотно сгрудив.

Говорит один: «Мы, братцы,
Спорить с ним никак не можем,
Соберем скорее шкурки
И под берег ему сложим».

У другого речь такая:
«Я отдам ему куницу,
Чтоб не высушил он Эжву,
Нашу светлую сестрицу».

Третий шепчет, озираясь:
«Слишком много уж он просит».
Все трепещут, все боятся,

Что колун в реку их бросит.

Заревел опять Кэрт Айка:
«Скоро ль я от вас дождуся?
Непослушным худо будет,
Если гневом разражуся!»

Покорились коми люди,
Как овечки стали кротки.
Дань злодею уплатили
По кунице с каждой лодки.

Взял колдун, оскалая зубы,
Приношенье дорогое
И велел железной цепи,
Что б легла на дно речное.

«Ну, теперь, - сказал Кэрт Айка, -
Вам дорогу открываю.
За смиренье, коми люди,
Вас сегодня пропускаю».

Разомчались, полетели
Лодки легкие, как шуки.
А на лодках слышен говор:
«Ну, натерпимся мы муки...»

На угоре крутобоком,
Что над Эжвой возвышался,
Сколотил Кэрт Айка избу,
Далеко не отлучался.

Каждый день гремит железом,
Ходит-бродит над рекою,
Встречных топит в быстрой Эжве
Беспощадною рукою.

Много всем принес он горя,
Много ужаса и жути.
Но никто не смел с ним спорить:
Робки были коми люди.

Раз варил Кэрт Айка сусло,
Что-то зычно распевая.
За семь чомкостов летела
Его песня громовая.

Эжва слушала печально,
Под горой журча струями.
Смолкли ива и береза,
Перестав играть ветвями.

Птички певчие далеко
С того места уносились,
Чтоб не видеть, как злодейства
Чародеевы творились.

Даже сам медведь косматый
Испугался, всполошился
И, пыхтя, в глухую парму
Улепетывать пустился.

«Ты теки, теки быстрее,
Сусло теплое, густое!
Из тебя мне скоро выйдет

Пиво пьяное, хмельное.

Если я напьюся пива,
До упаду погуляю!
Ты теки быстрее, сусло!
Я тебе повелеваю!»

Так ревел колдун железный,
Варкой сусла занимаясь.
Так горланил на угоре,
Своей силой величаясь.

Вдруг он смолкнул, встрепенулся,
На реку направил взоры,
Где блестели светлой лентой
Эжвы гладкие просторы.

Видит он: несется лодка,
Снизу вверх против течения.
Нет на ней гребцов и весел.
Замер он от удивленья.

В лодке дед беловолосый
Восседает, смотрит хмуро.
На плечах медвежья шуба,
А штаны из лисьих шкурок.

«Будь здоров, трудись, Кэрт Айка!
Не ленись! – старик горланит. –
Выпью все твое я пиво,
Говорю про то заранее!»

Зарычал колдун свирепо.
«Кто ты есть такой шумливый?
Опущу тебя я в омут,
Хоть штаны твои красивы!»

Старый дед поднял бородку:
«Ты потише предо мною,
Я зовуся Белым Памой,
А живу над Ем-рекою.

По всей Эжве не бывало
Колдуна меня сильнее.
Ты, бедняга, в чародействе
Много будешь послабее!»

Зубы скрипнули Кэрт Айки:
«Хоть и истинный ты Пама,
Здесь прочванишься недолго,
Я скажу про это прямо.

Цепь железная закрыла
Твоей лодке путь-дорогу,
Хоть ты хвалишься, смеешься, -
Усмиришься понемногу!»

Пама в лодке приподнялся,
Гордо выпрямивши спину:
«Я тебя за речь такую
Мог бы вздернуть на осину!

Но собрата я не трону,
Только путь свой продолжаю.

Цепь твоя не помешает,
Про нее давно я знаю».

Кверху голову закинул,
Поглядел старик на тучи.
И позвал оттуда свистом
Вихрей северных могучих.

С шумом страшным, завывая,
Стая вихрей налетела.
Почернела грозно Эжва,
Забурлила, закипела.

Зычно крикнул Белый Пама:
«Волны, вы мне помогите,
Поднимите мою лодку
И за цепь перенесите!»

Вал громадный подкатился,
Приподнял челнок легонько,
Высоко пронес над цепью
И за ней спустил тихонько.

Сразу стихла, смолкла Эжва.
Белый Пама стал смеяться:
«Ты не гневайся, Кэрт Айка,
Чтоб со зла не разорваться.

Мне встречать тебя сильнее
Никогда не приходилось.
Я приказываю суслу,
Чтоб оно остановилось!»

Озадачился Кэрт Айка,
Озирается, дивится:
Заперлось в корчаге сусло
И в корыто не струится.

Засверкал он тут очами,
В кедр вонзил топор с размаху:
«Рассердил меня ты, Пама,
Я с тобой готов на драку!

Если сдамся, даже заяц
Захочет во всею глотку.
Не даешь ты волю суслу,
Не пущу и твою лодку».

Дальше плыть собрался Пама.
Лодка носом лишь качает.
И ни с места. Точно кто-то
Ее держит, не пускает.

Старый дед уж не смеется,
Чешет голову седую:
«Ох, не ждал я у Кэрт Айка
Встретить силушку такую!»

У обоих чародеев
Дело стало непригоже:
Не течет в корыто сусло,
Лодка сдвинуться не может.

На горе лежит Кэрт Айка,
Растянулся в лодке Пама.

Каждый думает с досадой:
«Как бы мне не вышло срама».

На четвертый день из лодки
Старый дед сказал без смеха:
«Бросим, парень, эти шутки,
Надо мне скорее ехать.

Хоть со мной ты поругался,
Это будет позабыто.

Слушай, сусло, из корчаги
Ты теки-беги в корыто!»

«Если так, - кричит Кэрт Айка. –
Помирюсь и я с тобою.

Пусть вперед опять несется
Твоя лодочка стрелою».

Потекло в корыто сусло,
Лодка легкая помчалась.
Колдуны уж не считали,
От кого кому досталось...

Возгордился тут Кэрт Айка:
«Пама белому я равен!

Ничего он не поделал,
Хоть волшебством своим славен.

Ядовитыми речами
Мне он спеси не убавил.

Если я бы рассердился,
Без штанов его оставил!»

Стал Кэрт Айка веселится,
Хмельным пивом упиваясь,
На угоре скачет-пляшет,
По-медвежьи колыхаясь.

Пляшет-пляшет, спать захочет,
Ляжет, выпится и встанет,
Рявкнет: «Я проголодался.
Ох, как я мясу меня тянет!»

В лес пойдет с железной пикой,
Там убьет оленя, лося,
Человека растерзает,
Где бы встретить не пришлось.

На избушки натолкнется –
Поразмечет все селенье.
Кто же драться с ним посмеет?
Нет ему сопротивленья.

На угор опять вернется,
Пьет опять хмельное пиво,
Топит лодки подле цепи
В Эжве быстрой и бурливой...

Трудно было коми людям –
Жить под игом чародейским.
Страшно встретится им было
С топором его злодейским.

Как-то раз народ собрался,
Чтоб дела свои уладить,

Старики вперед пролезли,
Молодежь стояла сзади.

Как один, все порешили:
«С колдуном нам где же биться!
Лучше, братцы, поусердней
Богу Войпилю молиться!»

Началось у них моление.
Каждый стонет и рыдает.
Войпиль где-то притаился,
На мольбы не отвечает.

Чаще прежнего Кэрт Айка
Налетает грозным роком,
Топором всех рубит-губит,
Топит в омуте глубоком.

Плачут люди: «Коми землю
Отдал Войпиль зверю злomu!»
Только юные два парня
Рассуждали по-другому.

Изьюр, Эбес – вот так звали
Их в родительском селеньи.
Оба были с пылким сердцем
И бесстрашны от рожденья.

От моления отвернувшись,
Так они себе сказали:
«Никогда не может Войпель
Нас избавить от печали.

Если сами не напустим
На злодея смерть лихую,
Не захлопнет ему Войпель
Пасть широкую такую.

С волком мира не бывает,
Это сказано несложно.
Зло кровавое, большое
Только силой кончит можно.

Мы попробуем, два друга,
Побороться с чародеем.
Если силушки не хватит,
Взять мы хитростью сумеем!»

Собрались в дорогу парни
Со своими топорами
И направились к Эжве
Потаенными тропами!

Вкруг злодеева жилища
Лес стоял дремучий, темный.
Тут они в чаще прибежной
Уголок нашли укромный.

Пять денечков в ожиданьи
Изьюр с Эбесом лежали.
На шестой день шум великий
На угоре услышали.

Загулял опять Кэрт Айка,

Пьет опять хмельное пиво,
Свою голову дурманит,
Скачет, рывкает шумливо.

Опорожнил полегоньку
Он ушат семиведерный
И плясал вокруг ушата
Страшный, пьяный и проворный.

А потом упал, задрыхал,
Понатешившись немало.
Изьюр Эбесу промолвил:
«Вот и время нам настало».

Хоть и жутко было выйти
Им из лесу на поляну,
Оба кинулись к ушату,
Где храпел Кэрт Айка пьяный.

Топоры взвились, блеснули,
И удары раздалися.
Парни яростно кричали:
«Ну, теперь повеселися!»

Привскочить хотел Кэрт Айка,
Но подрублены уж ноги,
Нет руки по самый локоть,
Льется кровь из ран глубоких.

Заревел он: «Не поддамся!
Вас, убийцы, проклинаяю.
Стрелам огненным из тучи
Пасть на вас повелеваю!»

Парни головы задрали,
Видят: туча накатилась,
Грозно молния сверкнула,
Солнце красное закрылось.

Изьюр молвил: «Это пламя
Мнимой молнии не жжется».
Эбес выкрикнул, добавил:
«Встать тебе уж не придется!»

Снова рубят топорами...
В небе молнии не стало,
Туча черная исчезла,
Солнце ярко заблестало.

Прохрипел-вздохнул Кэрт Айка:
«Силы нету! Умираю!
Веселитесь, торжествуйте,
Смерть от вас я обретаю!»

Испустил он дух последний,
Очи грозные сомкнулись.
Если б не был он прикончен,
Все бы в горе потонули.

Так над Эжвой жил и умер
Злой колдун, силач ужасный.
Коми люди тогда были
Боязливы и несчастны.